

*Поздравляем Игоря Ерофеева с 60-летием и желаем светлого вдохновения,
творческих успехов, прочтения, крепкого здоровья, счастья и добра*

* * *

Мы ближе сна не видим ничего,
мы ниже смерти падать не умеем
и тенью слов несказанных болеем,
и души мрут – казалось бы, с чего?
Нам краше неба Богом не дано,
любви нет тяжелей труда на свете,
и счастья большего, когда родятся дети,
под нашу жизнь не изобретено.

* * *

Снежный, нежный,
тихий вечер,
посажёная луна.
Сосен свеч немое вече,
пуховая целина.
Невесёлая повозка,
скрип полозьев,
конный храп.
Снег искристый серебрится
на иглах еловых лап.
А дорога-недотрога -
от деревни до села...
И зовут на землю Бога
из церквей в колокола.

ОНА УШЛА

Она ушла...
Сказала, что устала,
что удивляться жизни перестала,
и что любовь истлела между нами,
и что она теперь уходит к маме,
и хорошо, что мне не родила,
иначе поувязла бы в делах, –
и что я дал бы нашему ребёнку,
когда сровнял всех под одну гребёнку?..
Бледнела и, срываясь, повторяла,
что самой-самой для меня не стала,
что женщиной не чувствует со мною,
венчаться зря ходила к аналою
и что я загубил её года –
лжецом и эгоистом был всегда, –
что никогда её не понимал,
что ревностью тягучей донимал,
и ничего вокруг не замечал,
и на неё беспочвенно кричал,
и кем-то был ещё, и с кем-то был опять,
и что из-за меня слегла с болезнью мать,
и что не знает, что во мне нашла,
что стороною жизнь её прошла...
– Прощай...

Будь счастливым...

Я ушла...

Ушла...
И погасила свет на кухне, где года
из безнадежно сломанного крана,
как из надтреснутого доньшка стакана,
сочилась бесконечная вода...

Ушла...
И ключ оставила на полке,
где до сих пор лежат её заковки
и воткнутые в бархатку иголки,
вечерний крем, засохший навсегда...

Она ушла...
И оборвались двери,
и все надежды разом устарели,
и небо надо мною опустело,
и на душе моей повисло тело,
и как-то всё поникло, почернело,
и силуэт мой очертили мелом,
и в окнах тусклых задохнулся свет,
и стал мне саваном диванный плед...

Она ушла...
И всё меня забыло,
яичница в сковороде остыла...
А за окном всё тот же двор унылый,
унылый долгий серый дождь постылый,
унылые качели и собаки,
унылые песочницы и баки,
унылый свет расплющенной луны,
унылые отвесности стены...

Она ушла...
И всё ушло за нею,
ушли под землю горы Пиренеи,
ушли морские рыбы на глубины,
исчезла целостность без середины,
погасли свечи, маяки, софиты,
остановились войны: все убиты...

Она ушла...
И замолчали птицы,
застыли ветры и погасли лица...
Исчезло всё – машины и столицы,
исчезли ландыши, фиалки, медуницы,
слова пропали, буквы со страницы,
солёные моря окаменели,
солдаты без атаки онемели,
пропал мой пульс, и потерялось имя,
исчезло всё живущее поныне,
исчезли языки, бумага, береста,
исчез Создатель с тёмного креста...
Зато проснулись боль, соперница огня,
и кто-то исполняющий меня,

проснулся дьявол, что следил за мною,
проснулась смерть слепая за спиною,
с блестящею косою полосою...

Она ушла,
надев в купе прихожей
со стёршейся набойкой сапоги.
Она ушла,
оставив приговором
в луче дороги быстрые шаги...

* * *

За окном пустыня
ледяная стынет,
с площади паркетной
убирают снег,
греется в подъезде
кот на батарее,
тепловкровный в доме
зябнет человек,
катятся куда-то
редкие машины,
шапки нахлобучены
снега на домах,
леденелой кирхи
плавится вершина,
не берёт морозец
рыночных девах,
надоед изрядно,
скучный телевизор,
лень за сахаром идти,
чтобы выпить чай,
я, наверное, ещё
полежу немного
или же с тоски опять
вызову врача.
Подо льдом простыла
городская речка,
замерли деревья,
съежились кусты,
за окном постыло,
но не так всё пусто,
раз ты мне готовишь
что-то у плиты...

* * *

Купола заострились в небо,
расстелилась по улицам пыль,
И сомкнулись дома следом
под неоновую кадрили.

Почернело от скуки солнце,
порыжела от сна трава, –
Лишь любовь оживает ночью
под распахнутые слова.

За окном моим – силуэты...
дай-ка я это всё запишу.
Ещё много не спит поэтов,
да и я свет гасить не спешу...

КВАДРАТ

Как-то раз на мой день рождения
друг из цеха для многостаночников
подарил репродукцию в рамочке –
то «Квадрат» господина Малевича.
Очень, я вам скажу, любопытное
оказалось сие приношение
для меня – человека стороннего
мировому искусству могучему.
Провисела картинка на гвоздике
двое суток без всякого действия,
до тех пор пока кот наш зашуганный
не завыл у подножья творения.
Стал и я наблюдать ненормальное
в помещенье с квадратным искусством:
то пивная бутылка расколется,
то все пуговицы разом отвалятся...
А с неделю назад у Малевича
в его правильном произведении
усмотрел я усы королевича,
явно мне до того неизвестного.
Очень даже усищи шикарные!
Больше, чем у Богдана Хмельницкого
или даже комдива Будённого,
революцией с саблей рождённого...
Вот же, право, художник талантливый,
раз в каком-то квадрате упрятывал
лицевое мужское достоинство,
да с рыжинкою и кучерявостью!..
– Посмотри на усы, Галь, огромные! –
тыча пальцем неловким в творение,
обратился к жене с восхищением,
отдыхающей от настроения.
А она, вроде женщина умная,
вдруг послала меня раздражительно
в направлении общеизвестное
с непривычной словесной кудрявостью...
Через день мне из чрева картинного
немужской чей-то голос послышался,
с очень южным акцентом и йолями, –
подпевал я, пока не запыхался.

А приятель мой верный и радостный,
с кем мы сели за стол под картиною,
мне сказал, что поёт из полотнища
Караклаич-певица как будто бы...
Как-то раз у «Квадрата» настенного
простоял я в глубоком раздумии,
позабыв о футболе с бельгийцами,
подходя к раздвоению личности.
Как же мог этот киевский парубок
до квадратной картины додуматься –
и теперь в этой признанной классике
каждый видит особенно личное?..
На двадцатой минуте стояния
я увидел вдруг трубы фабричные,
баррикады, и В. Маяковского,
и матросов, шагающих вовремя,
в бескозырках с винтовками стильными.
Я спросил их: «Откуда, товарищи?»
Но колонной бойцы справедливости
с песней скрылись во тьму беспросветную,
чтоб бороться с враждебными силами.
А однажды под вечер предпраздничный
в нашу спальню проследовал скромненько
сам художник Малевич с палитрою
и бутылкой «Столичной» початую.
Сел на стульчик, от шарфа избавился
и с вопросом ко мне обращается:
– Ну и что ты в картинку уставился?
Ты бы лучше жену приголубливал,
чем в «Квадрате» объекты высматривать, –
заявил он с ехидной усмешкою, –
всё равно ничего в нём не выяснишь:
я всего-то закрашивал лишнее,
трафарет для удобства вырезав, –
а теперь началось сумасшествие
и музейное столпотворение...
– Что ж ты, голубь, – воскликнул я с умыслом, –
человечество ввёл в заблуждение?!
Даже я в этой угольной классике
изыскал краснофлотцев движение.
– Краснофлотцев и бронепоезды
наблюдали при НЭПе в Монголии, –
пояснил Казимир Северинович,
запивая томатным «Столичную». –
Вот вчера мне звонили из Мексики,
по-испански кричали на проводе,
что «Квадрат» излучил герменевтику,
плюс со всеми её производными.
Я, признаюсь, не знаю значения
слова этого с грозной фонетикой,
только раз уж и это увидели,
значит, я начертил что-то мощное, –
вот такая, товарищ, история.

Кто бы думал, что я геометрией
приведу континенты к безумию,
что Веласкесы вместе с Ван Гогами
оказались в плену моей графики?..
Под вопросы о конгениальности
из бутылки допили последнее,
я сходил за второй с удовольствием, –
не мешая супруге безрадостной,
на балконе грешили с напитками.
Посоветовал мне восхитительный
обходиться без слов в стихотворчестве
и чертить просто чёрные полосы:
пусть читатель в них смысл додумает...
Лишь к обеду проснулся разобранном,
без художника и без нательного, –
сообщила жена мне разборчиво,
что она обо мне всуе думает.
Больше мне Казимир не является:
мы картинку в гараж перевесили,
где медведи товарища Шишкина
развлекают «Москвич» мой потрёпанный.
Только всё же «Квадраты» мерещатся –
жизнь похожая стала на шахматы,
чернотой полна Севериныча,
с краснофлотцами, в спальне стоящими,
и застрявшим в дверях бронепоездом...

* * *

Витрина чахнет фотоателье:
пожухлая реклама Монпелье,
улыбок штучных сохнет вереница,
остывших взглядов матовые лица.
За дверью – очередь в ущелье коридора,
слов ожидают слуги термидора:
кому-то нужен фарс, кому-то – профиль...
Серебряный бессилён Мефистофель.
Нас делают беспомощными линзы,
пускают по воде венками тризны,
нарежут жизнь на чёрные квадраты,
зависящую от граффити даты.
Замру и я в застигнутом пространстве,
став жертвою оптического транс.
Застынет солнце в кроне кипариса,
застынет бесконечность парадиза.
Застывший мир, конечно, легче резать,
и времени не всем удобна резвость.
Мгновенье жизни умирает в фото –
сейчас меня убьёт за шторой кто-то...

* * *

Мы Бога терпеливого неправильные дети,
живём, как можем, вроде все свои,
Старее времени нет ничего на этом свете,
как ничего моложе нет любви...